

Мемуары Юрия Владимировича Манна — доктора филологических наук, заслуженного профессора РГГУ, академика РАН, включенного в книгу «2000 выдающихся ученых XX столетия», изданную Международным биографическим центром в Кембридже (Англия), — уже стали литературным событием. Однако порой для всесторонней оценки книги, особенно воспоминаний, необходима эпическая дистанция: и пространственная, обусловленная провинциальным взглядом, и временная, связанная с существенной разницей в возрасте.

Мемуарный характер повествования заявлен в заглавии книги, точнее, в подзаголовке — «воспоминания, документы, письма». Жанровые доминанты: событийность, фактографичность и ретроспективность — дублируются названием первой части «В пятидесятые годы, раньше и позже. Очерки литературной — и не только литературной — жизни». Непременный для мемуаров субъективизм, как в самом отборе фактов, так и в их оценке, также отражен в заглавии. Это строка из стихотворения москвича, ныне проживающего в Чикаго, Ильи Цейтлина «Пусть Память все детали соберет».

В поэтологическом вступлении «Вместо предисловия» Ю. В. Манн предлагает путь прочтения своей книги, объясняя ее жанровое своеобразие: «манеру non fiction» и «элемент свободы», которая обуславливает ассоциативную логику повествования (с. 9). Именно свобода ассоциаций представляет трудность для читателя, поскольку требует известную степень посвященности, наличия общей с автором культурной памяти.

Первая часть книги писалась в период 2001—2010 гг., о чем сказано в «Сведениях о первых публикациях» (с. 477). Нетрудно проследить историю журнальных публикаций на уровне заглавий циклов. Первая (2001, Вып. 2) и вторая (2007, Вып. 5) публикации в «Вопросах литературы» названы «В пятидесятые годы и позже»: (Эпизоды) и объединены в Картинки Литературной Жизни. В 2009 г. в журнале «Знамя» (№№ 5, 11) напечатаны мемуары под заглавием «Память-счастье, как и Память-боль...» и «Николай I и Николай II». Нехитрые изыскания дают возможность заметить желание автора в новой книге упорядочить поток воспоминаний, разместив главки (практически не меняя их названий) по хронологическому принципу. Однако это не всегда получается:

Порою Память нежеланный гость,
когда ж нужна, до огорченья мало
отыщется в дырявом багаже.
Но каждый шаг сулит ей перемену.

Едва найдёшь потерю, как уже
ей новый пласт торопится на смену.
Частенько на живые раны соль

и все её законы не научны.
Но Память-счастье, как и Память-боль,
уже навеки с нами неразлучны...

Все новые и новые пласты двуликой Памяти, торопясь сменить друг друга, задают вектор сюжетного развертывания рецензируемой книги. Восстановить связь времен способен только синергический эффект взаимодействия автора и читателя. Автор вновь и вновь предлагает «Синергетику с домашней стороны» (так называется первая главка собственно мемуарной части). Читателю же предстоит сложная работа: например, в мастерски написанном портрете Сергея Павловича Курдюмова разглядеть не только реалии ушедшего времени, но и нравственно-эстетические ценности, сформировавшие духовный стержень «тесного кружка», к которому принадле-

жал Ю. В. Манн. Компания «достойных известности» сложилась «к концу школы и особенно после поступления в вуз» (с. 13). Значимым оказалось все: «посиделки перед телевизором марки „Ленинград“ с линзой, наполненной дистиллированной водой для увеличения изображения» (с. 15), лыжные походы за город, летний отдых в Юхнове на Угре и в Юрлове под Москвой и рождение кружковой мифологии, которая стала основой нового социокультурного пространства. Неслучайно идеи синергетики приходят к С. П. Курдюмову именно в этой веселой и остроумной компании, где «много говорили о философии, о Гегеле» (Там же).

Но не меньше Гегеля способствовала становлению личности и простоватая песенка, под которую маршировали во время зарядки друзья юности:

То не флейта, то не бубен —
Мы на пузе играть будем.
Пузо лопнет — наплевать:
Под рубашкой не видать... (с. 16)

Ю. В. Манн признается: «мы были наивны и полны прекрасноты, но вспоминается это время с необыкновенной теплотой и грустью...» (с. 16) Это и есть Память-счастье, когда и у читателя вслед за автором становится светло на душе.

Такой же теплотой и грустью исполнена и следующая главка «Князь и космонавт». Это вновь рассказ автора не о себе, а портрет другого товарища юности — Валентина Гавриловича Ершова. В отличие от остальных кружковцев «Валентин не проявлял склонности к литературе и вообще гуманитарным предметам, читал мало» (с. 17). Для этой компании прочитать вдоль и поперек Писарева было слишком просто! Равнодушие к филологии разом превратило Валентина в мнимого автора — князя Ершова, от лица которого воспевал Юрлово молодой Юрий Манн. Так родилась идиллия «Душа моя стремится вон туда». Куда на самом деле стремилась душа Ершова, никто тогда предположить не мог. А он мечтал конструировать самолеты и рассчитывать орбиты космических аппара-

тов и даже полететь в космос. И все сбылось, кроме последнего. Оказывается, Ершов, успешно прошедший все испытания, в космос не полетел, потому что отказался вступить в партию. Это уже Память-боль, когда читатель начинает ощущать атмосферу эпохи.

Автор мемуаров пытается восстановить в памяти и «ушедшую натуру» — довоенную пору. Сейчас «довоенное» не просто мезозойская эра, а предмет жарких политических дискуссий, борьбы за истинность истории и т. п. Ю. В. Манн вспоминает это время «со смешанным чувством теплоты и грусти, как вспоминается детство, каким бы оно ни было» (с. 20). А было оно разным. Например, школа № 281, с одной стороны, запомнилась безмятежной песенкой, которую из урока в урок разучивали на пении:

Ку-ку! Ку-ку!
Беспечно я живу,
И слышно издалика
Мое ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку.

А с другой — исчезновением одноклассника-тихони Буткевича, отец которого оказался «врагом народа». 1937 год... Эта страшная дата в истории страны оказалась знаменательной и в жизни автора: именно в этот год он пошел в школу. «Довоенное», «Подросток военных лет», «Девочки», «Совхозная страда» — главки, посвященные школьной поре.

В типовой московской школе № 281 учились знаменитые: Юрий Манн, Игорь Нетте, Владимир Топоров. И незначительные (например, Зумайка Данилов-чистильщик обуви), но ставшие таковыми благодаря Памяти. А уж чего в ней больше: счастья или боли — решать читателю, благо книга Манна не только стилистически безупречна, но и фактологически насыщена. Так, в фильмах о войне часто показывали бомбоубежища, которые располагались в вестибюлях станций метро. Однако оказывается, гражданские во время бомбежек располагались «в туннеле, для чего между рельсов настилались доски, и можно было если не спать, то хоть вздремнуть» (с. 23). Во время воздушной тревоги с собой брали самое ценное: мама

автора одной рукой вела сына, а в другой несла пишущую машинку марки «Ремингтон», поскольку работала машинисткой-стенографисткой.

Так или иначе, Память Ю. В. Манна, знаменитого на весь мир литературоведа, избирательна, точнее, она сфокусирована на слове. Во время бомбежек ему запомнилась строчка Маршака в авторском исполнении: «Проходили мы частицы *не* и *ни*, / А в селе стояли фрицы в эти дни» (с. 23). Несколько месяцев эвакуации в городке Сасово памятны тем, что всех москвичей местные называли «выковырянными». Война именно выковыривала людей из привычной жизни. Школьное обучение, прерванное с осени 41-го, было возобновлено только осенью 42-го. Однако в прежней 281-ой школе учиться автору воспоминаний не пришлось: в ней поместили госпиталь. Определили сначала в 272-ю, а после введения отдельного обучения — в мужскую 265-ую, которая располагалась за Садовым кольцом. Парадоксальным образом Садовое кольцо стало для подростка военных лет символом начала и конца войны. Сначала по кольцу шли грузовики с боеприпасами, и, когда один из них взорвался, мальчишки с любопытством наблюдали за пожаром. Позже по тому же кольцу гнали колонны пленных нацистов. Школьные годы оказались помещены в круг холода и голода. Автор оговаривается, что он (как и другие москвичи) не имеет права говорить о голоде: «никакое сравнение Москвы с Ленинградом не может иметь место, уже одна хлебная порция (служащим — 600 г., иждивенцам, к которым относились и школьники, — 400 г.) позволяла, что называется, держаться на плаву» (с. 26). Но не дай Бог никому из современных служащих и иждивенцев держаться на таком плаву хотя бы неделю!

Порой Память-счастье помогает автору пересилить Память-боль. В главке «Девочки» он рассказывает об экзотическом для современных школьников отдельном обучении мальчиков и девочек. Девочки скоро превратились для мальчишек в «существа не от мира сего, необычайно притягательные, но недоступные» (с. 28). Совершенно естественно, что первая любовь многих подростков военной поры была не про-

сто платонической, но по сегодняшним меркам даже абсурдной. Так, один из одноклассников автора по фамилии Кошевой влюбился в фотографию английской принцессы Элизабет. Фотография ныне царствующей королевы Елизаветы II была напечатана в журнале «Британский союзник». Этот снимок влюбленный юноша вырезал и держал перед собой на парте. Учился поклонник принцессы крайне плохо, поэтому в качестве общественной нагрузки совместная подготовка к урокам легла на плечи Манна. «Любовная связь» московского школьника и английской наследницы престола оказалась увековеченной в слове:

...он сердце на прощание
Принцессе предложил.
Но та принцесса зоркою
Была не даром с ним:
«Когда придешь с пятеркою,
Тогда поговорим».

И синусы-косинусы
Он с Манном изучил.
И счастье! Тройку с минусом
Однажды получил.

Летит письмо летучее
Из Англии на Русь:
«Ну что же, в крайнем случае
На тройку соглашусь» (с. 29).

Конечно, никакой «свадьбы» не было и быть не могло. Однако было другое: охрана и проводка арктических конвоев (поставок по ленд-лизу), второй фронт и победа над общим врагом. Об этом в стихах ни строчки, но, по принципу синергии, читатель чувствует дух времени и угадывает между строк. Именно к такому чтению и располагают воспоминания Юрия Манна — подростка военной поры.

Следующие главки «Время, вперед!», «Пятый пункт», «Поступление в университет», «В университете», «Осеннее обострение», «Воспоминания об актовом зале, или Никита Хру-

щев в сосновом бору», «Военное дело», «Как я обманул товарища Когана», «Шестьсот знаков» и др. посвящены в том числе и проблеме антисемитизма, бытового и государственного.

Автор предпринимает попытку коротко изложить историю своего рода. Восстановить в Памяти удалось немного: родители не говорили, а он не спрашивал — время было такое. А когда возник интерес (время не стало другим), «спрашивать было уже не у кого» (с. 31). Скупость информации восполняют фотографии из семейного архива. Двадцать шесть снимков, уместно прерывая повествование, дают визуальный образ семьи и близких. Невольно ловишь себя на мысли, что такие умные лица, искренние улыбки, гордые осанки все реже и реже встречаются у современников, их практически невозможно увидеть на экранах телевизоров. А в книге они есть, и это Память-счастье. И Память-боль, потому что не хватает множества фотографий родственников, которых судьба разбросала по довоенной Европе: «все родные, близкие и дальние, скорее всего попали в какой-нибудь из фашистских лагерей смерти и превратились в пепел» (с. 35).

Советская власть предлагала альтернативу: пятый пункт, ограниченный прием в высшие учебные заведения, проблемы с трудоустройством, «дело врачей» и т. п. Препятствия на пути Манна были, к сожалению, типичными для 50-х годов. Осилить эту дорогу, вопреки системе, могли единицы. Школа рабочей молодежи № 146, «Советская энциклопедия», «Советская литература (на иностранных языках)», ИМЛИ, РГГУ — это не просто места работы автора, это этапы становления характера, формирования особого манновского стиля, который проявится в тонких рецензиях, ярких статьях и глубоких монографиях.

В целом первой, собственно мемуарной, части книги свойствен косвенный или скрытый психологизм, когда внутренний мир автобиографического героя показан не непосредственно, а через ряд внешних факторов выведен в подтекст. «Пятидесятые годы» становятся центростремительным вектором сюжетного развертывания каждой главки и создают метатекстовое единство всей книги, а «раньше» и «позже» — результат цен-

тробежной силы мемуарного повествования, над которой властна только Память, счастье и боль одновременно.

Принципу скрытого психологизма починены еще в большей мере две последующие части книги — «Эпистолярные циклы» и «Выборка из писем». Легкие и ясные по стилю биографические портреты филологов, вынужденных в силу разных причин работать в провинции, исполнены драматической напряженности. Тернистые пути Татьяны Усакиной, Юрия Янковского и Бориса Кормана становятся «неотрывной частью» «литературной — и не только литературной» — жизни автора рецензируемой книги.

«Выборка из писем» представляет собой, пожалуй, самую трудную для восприятия часть единого целого. Для того чтобы в полной мере ощутить это единство и целостность, мало раскрыть «неформальную» логику расположения большого количества писем от восьмидесяти корреспондентов (без «Добавлений»). Читателю, кроме терпения и желания, необходима не только синергетика, но и семиотика, чтобы разгадать загадку пространственно-временного лабиринта научной жизни советского и постсоветского периодов. Другими словами, данная эпистолярная выборка требует либо стопроцентной посвященности аудитории, либо серьезного научного исследования.

Сказанное несколько не умаляет ценности и значимости опубликованных писем, документальных свидетельств манновской эпохи — «золотого века» литературоведения. М. Альтшуллер, Я. Белинкис, С. Бочаров, Г. Бялый, В. Вацуро, Л. Гинзбург, Б. Егоров, А. Жолковский, Е. Краснощекова, Ю. Лотман, Г. Макогоненко, В. Мануйлов, В. Маркович, К. Пигарев и многие другие филологи — корреспонденты Ю.В. Манна. Авторы писем, подобно героям драматических произведений, раскрывают свой внутренний мир через монологи. Очень редко читателю удастся воочию проследить перипетии диалогов адресата и адресанта (копий собственных писем Ю. М. Манн делал не всегда). Чаще всего приходится прибегать к реконструкции, которая может и не соответствовать действительности.

В большинстве писем — просьбы, отзывы и благодарности, реже критические замечания и полемика. Иногда корреспонденты не боятся писать на грани дозволенного. Так, некая Ася (фамилия не написана) осмеливается дать прямую психологическую характеристику адресату: «Вы не контактны, скептически относитесь к знакомым и довольно строго судите других, это, вероятно, трансформация излишней требовательности и беспощадности к себе. Внимательны и мягкосердечны по отношению к людям, но это слишком глубоко запрятано в Вас, во всяком случае люди грубоватые, не тонкие, прямолинейные не могут разглядеть в Вас этого. Внешне интеллигентные манеры исходят из сущности — добропорядочной и высокодуховной. При внешней сдержанности эмоционально неустойчивы, подвержены чувствам и склонны к быстрой смене настроения, вовне это не отражается или мало выражается. У Вас богатое воображение, высокий творческий потенциал, но это приводит, и нередко, к житейским неудачам. Не очень естественны и непосредственны в поведении. При всей возвышенности натуры довольно расчетливы, достаточно проницательны, умеете разумно и без сантиментов оценивать события и окружающих людей. Не всегда хорошо обстоят дела с самодисциплиной. Внутренне конфликтны, целеустремленны» (с. 270). Каково получить такое послание — заключение под стать астрологу или экстрасенсу?! Без Памяти-счастья и без Памяти-боли... Хотя что-то, как и во всяком гороскопе, попало в точку и впрямую относится к рецензируемой книге.

Мемуары Ю. В. Манна нельзя назвать исповедью в духе Ж.-Ж. Руссо. Принцип женеvского гражданина писать о себе «*intus et in cute*», т. е. с максимальной открытостью и обнаженной искренностью, в данном случае не работает. Однако исповедальность особого качества в заключительном разделе книги «Персоналии. *In memoriam*» все же присутствует. Это чистосердечное признание в любви к ушедшим из земной жизни У. Фохту, А. Когану, Е. Эткинду, З. Паперному, Г. Белой, А. Чудакову, Д. Лихачеву.

Завершается книга Ю. В. Манна исповедальным очерком «Галочка», который печатается впервые. В первый раз и чита-

тель допускается в святая святых внутреннего мира автора: три странички текста посвящены Галине Николаевне, безвременно ушедшей из жизни жене ученого. Но какие эти странички! Они исполнены счастья подлинной любви и неутасающей боли.

И вновь Память-боль: «смерть родного человека всегда горе, но это горе вдвойне, когда сознаешь, что не сделал все, что мог, для спасения» (с. 474). Да, муж-филолог «не сумел привнести в дом материальное благополучие» (с. 475), но ему удалось гораздо большее: пронести через всю жизнь любовь к Галине Николаевне — опоре, в которой он нуждался постоянно и надеется на нее до сих пор.

А Память-счастье, как признание в вечной любви, звучит в финале: «Я не имею права оценивать свои успехи, но если мне что-то удалось сделать, то в этом большая заслуга Галины Николаевны, Гали, моей Галочки. И как тяжело мне, что этого я ей не сказал при жизни» (с. 476).

Пусть Память все детали соберет,
по полочкам старательно разложит,
но не меняет сути и не врет...

Книга мемуаров Ю. В. Манна — настоящий подарок вдумчивому читателю, приученному к замедленному чтению, способному пройти путь в поисках живой души. Она призвана продолжить манновскую «традицию непрерывного чтения» (с. 133).

Andrei Rastigaev